
**КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ТРЕТЬЕЙ ПУШКИНАЛИИ
«...ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...»: ПУШКИН В ПУТИ»,
ПРОШЕДШЕЙ 11–12 ЯНВАРЯ 2020 ГОДА
В ПРИНСТОНЕ (США)**

«Пушкиналия III», названная «...Вновь я посетил...»: Пушкин в пути», прошла 11–12 января 2020 года в Принстоне, США, вослед за первыми двумя Пушкиналиями «Пушкин без границ», состоявшейся 20–21 апреля 2018 года в Принстоне, и «Пушкин Оффшор: Привет, свободная стихия!», прошедшей 11–12 января 2019 года на экзотических Каймановых островах. В третьей конференции (круглом столе), задуманной организаторами Майлом Вахтелем и Ильей Венициким как живой и свободный обмен мыслями об актуальных проблемах творчества поэта, к сложившемуся прежде составу участников присоединились новые исследователи, в том числе аспиранты принстонской кафедры славистики, слушавшие в то время курс о творчестве поэта. Веселая и интеллектуально насыщенная дискуссия вызвала живой интерес со стороны преподавателей, аспирантов и жителей Принстона.

Надо сказать, что Пушкиналия — конференция совсем не обычная. Каждому участнику предлагается прочитать 10–15-минутный методологический, источниковедческий или теоретический доклад, отталкиваясь от одного краткого (ключевого для заявленной докладчиком темы) текста или отрывка из произведения Пушкина, заранее включенного в сопровождающие конференцию материалы. Главной целью конференции является не представление законченных научных работ, но совместное обсуждение поставленных исследователями проблем, значимых для современного состояния пушкинистики. Как и на прошлых Пушкиналиях, доклады читались на русском и на английском языках, в зависимости от предпочтений

того или иного докладчика. И сама дискуссия была двуязычной (причем в какой-то момент даже показалось, что все говорят на третьем, общепонятном и живом языке — языке исследовательского увлечения Пушкиным). В центре внимания докладчиков были вопросы литературного наследия и творческой биографии поэта, его открытость чужим влияниям и воздействие на разные литературные традиции. Участники затрагивали как малоизученные, так и хорошо известные темы, предлагая посмотреть на них с новых точек зрения.

Тема конференции — «Пушкин в пути» — нашла отражение в веселых заголовках секций программы и в рекламной афише конференции, на которой Пушкин был изображен в вагоне нью-джерсийского поезда вместе с другими пассажирами — друзьями-литераторами, женой Натальей Николаевной, российским императором и — в головном уборе контролера — Медным всадником! Каждая секция (или, как говорилось в программе, «станция») так или иначе затрагивала тему пространства и движения и сопровождалась подходящей цитатой из стихотворения «Вновь я посетил...», как бы разбитого устроителями на эпитафии. Всего было представлено семнадцать докладов.

Докладчики первой секции, «Минувшее меня объемлет живо...»: Пушкин и время», обратились к проблемам, связанным с восприятием Пушкиным прошлого, в частности, его отношением к екатерининскому наследию. Ольга Хейсти (Принстонский университет) представила доклад «Медный всадник» Пушкина как памятник забвения», в котором рассматривались тема значимого умолчания роли Екатерины и временных разрывов в поэме и в трудах по русской истории XVIII века, над которыми Пушкин работал в 1830-е годы. По мнению Хейсти, в своей поэме Пушкин сам уподобляется своему «маленькому герою» Евгению, но грозит кулаком не Петру, а воздвигшей ему памятник государыне.

Во втором докладе, представленном Максимом Ханукаем (Висконсинский университет в Мэдисоне), «Медный всадник и потоп современности» пушкинский текст рассматривался как романтическая трагическая поэма о столкновении России с современностью. Докладчик предложил к обсуждению вопросы о жанре трагедии в пушкинскую эпоху в сравнении с трагедией XVIII века и об интересе Пушкина к темам модернизации, мобильности, неподвижности и особенного пути России. В центре внимания Ханукая также находилась тема тревоги, вызванной культурной модернизацией. В заключение докладчик обратился к проблеме памятника как места трагической памяти.

С третьим докладом, «Екатерина II в “Капитанской дочке” А. С. Пушкина и визуально-литературный контекст», выступила Вера Проскурина (Университет Эмори в Атланте, штат Джорджия), которая, отталкиваясь от наблюдений Виктора Шкловского о месте экфрасиса в описании Екатерины, утверждала, что имидж императрицы соотносится не только с картиной В. Л. Боровиковского «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке», но и с некоторыми хорошо известными Пушкину мемуарными текстами. Выступление Проскуриной вызвало живое обсуждение моды при дворе императрицы.

В докладе «Возвращаясь к началу: комментарий к последней строфе “Евгения Онегина”» Александр Долинин (Висконсинский университет в Мэдисоне) поставил вопрос об открытости финала романа, указав на принципиальную «закругленность» его композиции. «Евгений Онегин» начинается и заканчивается одним и тем же словом, притяжательным местоимением «мой», но, как утверждал докладчик, если в первом стихе оно принадлежит герою и вводит читателя в его мир, то в последнем — автору-повествователю. В последней строфе Пушкин обыгрывает сразу три мотива — «праздника жизни», привлекательности «ранней смерти» и «жизни как романа», которые восходят к трем разным традициям, соединенным Пушкиным с помощью риторической формулы «Блажен, кто...». В обсуждении доклада участники Пушкиналии говорили о проблеме субъективности и смерти и о других произведениях, в которых эти мотивы играют роль.

Во второй секции «“Здравствуй, племя...”: прогулки с Пушкиным», приняли участие литературоведы из разных стран, представившие доклады о круге чтения и рецепции Пушкина в XIX и XX веках. Дамиано Ребеккини (Миланский государственный университет) выступил с докладом «Поэт и наследник. Как Александр Николаевич читал Пушкина (1828—1837)». Ребеккини обратил внимание на место сочинений Пушкина в курсах по русской литературе, читавшихся Жуковским и Плетневым вел. кн. Александру Николаевичу. Докладчик также обратил внимание на то, как формировалось отношение будущего императора к Пушкину. Проанализировав записи в личном дневнике наследника того времени, Ребеккини сделал выводы не только о предпочтениях преподавателей наследника Жуковского и Плетнева, но и о литературных и идеологических последствиях, которые имела деятельность этих пушкинских друзей при дворе. Основная часть общего обсуждения сосредоточилась на списке русских стихотворений, выбранных учителями Александра.

В секции также приняла участие Алиса Гиллеспи из Боудинколледж (Брансуик, штат Мэн) с докладом «Медный гость за дверью, или “Как памятник Пушкина однажды пришел к нам в гости”: Пушкинские призраки в поэзии Цветаевой». Гиллеспи обратила внимание слушателей на тему «мужской музыки» в поэзии Цветаевой и предложила содержательный обзор повторяющегося в ее творчестве мотива «явления» потустороннего «гостя» и отношения последнего к границе между светским, бытовым миром и сферой поэзии и сновидений. В докладе этот мотив связывался с пересечениями границ в творчестве и в жизни Пушкина. В обсуждении этого доклада говорилось о скрытом «спиритуальном» присутствии Пушкина и Рильке в творчестве Цветаевой.

В докладе, представленном Любой Гольбурт (Калифорнийский университет в Беркли), «Пушкин Леонида Аронсона: к истории русской пейзажной лирики», рассматривалось значение аллюзий на творчество и биографию Пушкина в поэзии Леонида Аронсона, особенно в его пейзажной лирике. Дискуссия сосредоточилась на выяснении роли Пушкина в поэзии Аронсона и русской романтической традиции 1960-х годов, интертекстуальности и романтическом наследии Пушкина в советской пейзажной лирике, а также на вопросе о том, каким образом интертекстуальность *мешает* читателям увидеть природу в поэзии. Обсуждение этого доклада было одним из самых живых и интересных на конференции, поскольку один из участников Пушкиналии, А. А. Долинин, бывший лично знакомым с Аронсоном и другими поэтами петербургской школы, поделился своими воспоминаниями о встречах с поэтом и о царившей в его кругу атмосфере.

На следующей секции — «С приятельской беседы возвращаясь...»: наблюдения и критика Пушкина» — с докладом на тему «Пушкин и “политический романтизм”: вокруг “Ответа Катенину”» выступил Кирилл Осповат (Висконсинский университет в Мэдисоне). В докладе рассматривалась военная и политическая поэзия Пушкина через призму «политического романтизма». Этот термин был введен Карлом Шмиттом для обозначения определенного отношения поэзии к политическому опыту. В центре обсуждения были следующие вопросы: может ли «политическая поэзия» являться и поэзией, и политической позицией? Как мы должны интерпретировать военные темы — как политические позиции или как источники эстетического выражения? Эти вопросы обсуждались в контексте пушкинского диалога с Катениным в 1828 году, причем тема войны в поэзии Пушкина рассматривалась как высшая форма по-

литического опыта. Дискуссия сосредоточилась на том, как использовались эти темы в разных жанрах, текстах, и контекстах.

Следующий доклад — «“Так воспитаньем, слава богу, у нас немудрено блеснуть”»: философия образования и воспитания Пушкина в записке “О народном воспитании”» — представила автор этого обзора, аспирантка Принстонского университета Лора Мэтьюз. Доклад был посвящен педагогической теории Пушкина, и в нем рассматривались отношения между воспитанием и литературой в восприятии Пушкина, тема цензуры, важность доступа к западной литературе и философии и смысловые оттенки терминов «воспитание», «образование» и «народность» в записке «О народном воспитании». По мнению докладчицы, этот редко привлекавший к себе внимание историков русской педагогики текст свидетельствует о том, что у Пушкина была подлинная и последовательная философия образования. Доклад вызвал дискуссию о влиянии Жуковского на педагогические идеи Пушкина.

Алексей Балакин (ИРЛИ (Пушкинский Дом)) посвятил свой доклад, «“Безрукий инвалид” в пушкинских “Моих замечаниях об русском театре”», поиску того самого «инвалида», которого упоминал Пушкин в своей первой дошедшей до нас неоконченной критической статье. До настоящего времени не было известно, кто скрывался под маской «кривого и безрукого инвалида», упоминаемого Пушкиным, статьи которого с упреками в адрес русского театра буквально взорвали тогдашний петербургский театральный мир. Балакин показал неубедительность гипотез, предлагавшихся предыдущими исследователями, и на основе сопоставления мемуарных свидетельств и архивных документов установил, к изумлению участников Пушкиналии, что автором скандальных статей был отставной военный Иван Федорович Воейков, брат знаменитого поэта и журналиста, действительно тяжело раненный в Наполеоновских войнах. В последовавшем обсуждении возникли вопросы об отношении «инвалида» со своим братом и о смысле его псевдонима.

Первый доклад на секции «“Иные берега, иные волны...”»: пушкинские зигзаги» представил Майкл Вахтель (Принстонский университет). Избрав темой своего доклада текст «Уродился я, бедный недоносок...», Вахтель сравнил это якобы фольклорное стихотворение с фрагментом, несомненно написанным поэтом. Целью доклада было не только выяснение происхождения одного фольклорного текста, но и привлечение исследовательского внимания к проблеме взаимосвязи между «настоящим» фольклором и пушкинскими фольклорными стилизациями. Значительная часть доклада была посвящена реконструкции истории авторства фольклорного текста. В об-

суждении участники конференции поделились мыслями о фольклорной стилизации и использовании хорей в стихотворении Пушкина.

С докладом на тему «Радикальный Байрон России: еще раз о теме “декабриста Пушкина”» выступила Эмили Ванг (Университет Нотр-Дам в Саут-Бент, штат Индиана). Внимание докладчицы привлекли особенности изображения Байрона в творчестве Пушкина и поэзии декабристов, а также влияние декабристов на создание образа английского барда в русской культуре и политической жизни. По мнению Ванг, отношение Пушкина к Байрону показывает, что он отказался от политической версии байронизма, выдвинутой его современниками. Участники дискуссии, в свою очередь, предложили расширить рамки байронизма Пушкина, обратившись к международному восприятию Байрона в 1810—1830-е годы.

В последнем докладе этой секции, «“Тазит” — “The Bride of Abydos” — “Невеста Абидосская”»: Пушкин между Байроном и Иваном Козловым», Олег Проскурин (Университет Эмори в Атланте, штат Джорджия; профессор-гость Принстонского университета) обратил внимание участников конференции на связь незаконченной поэмы Пушкина «Тазит» с «восточной повестью» Байрона «Абидосская невеста» («The Bride of Abydos»). Предметом анализа стали система персонажей и сюжет поэмы, в том числе в ее невоплощенной части. Проскурин утверждал, что именно поэма Байрона (и ее финал) позволяет реконструировать некоторые детали задуманной развязки «Тазита» и что не меньше, чем английский оригинал, значение для работы Пушкина имел стихотворный перевод поэмы Байрона, выполненный Иваном Козловым, — «Невеста Абидосская». В заключение Проскурин предложил для обсуждения одну из причин, не позволивших Пушкину, по мнению докладчика, закончить работу над «Тазитом», и поставил общий вопрос о поэтическом переводе как активном стилистическом медиуме.

Согласно тексту программы Пушкиналии, на последнюю секцию — «“Не я...”: возбуждающие тексты Пушкина», посвященную непристойностям в творчестве поэта, не допускались участники до 18 лет. Аспирант кафедры славистики Принстона Александр Якобсон выступил с докладом на тему «“Потерянный том” собрания сочинений Пушкина 1962 года: “Пушкин без цензуры” Алека Флегона». В докладе сравнивалась «материальная», полиграфическая, форма книги Флегона с печатным образом «собрания сочинений» Пушкина 1962 года. Докладчик утверждал, что Флегон сознательно и физически позиционировал свою книгу как одиннадцатый — выдуманный — том этого собрания и, таким образом, высмеивал как данное издание, так и советский «пушкиниздат» целиком. Дискус-

сия, вызванная этим докладом, сосредоточилась на проблеме влияния самиздатской культуры на самого Флегона и на том, какие действительно неприличности скрывались под точками в советских изданиях поэта.

Джозеф Пешио (Висконсинский университет в Милуоки) посвятил свой доклад «Купюры Пушкина: типология и использование» истории посмертной цензуры Пушкина и редакторской практики замены нецензурных выражений и других нежелательных слов эллипсами и отточиями. Доклад представлял собой фрагмент будущей книги докладчика о петербургском цензурном комитете в начале XIX века. Пешио рассматривал разные типы купюр в пушкинских стихотворениях. Докладчик также затронул тему «эффекта купюр» в сознании читателей Пушкина. В обсуждении доклада участники Пушкиналии обратились к следующим взаимосвязанным вопросам: как формируют и переформируют Пушкина издатели и цензура? какие отношения существуют между цензурой и общественной нравственностью? повышается ли привлекательность текста с купюрами для читателя или читательницы, когда им самим нужно угадывать неприличные слова?

Последний доклад этой секции был прочитан Ильей Венициким (Принстонский университет) и назывался «EX UNGUE LEONEM: переводы “Гавриилиады” и американское эротическое изображение (введение в тему)». Веницкий подчеркнул необходимость более тесной историко-культурной интеграции в пушкиноведение переводов произведений поэта на иностранные языки. Активное включение в науку о Пушкине переводов его произведений в разные историко-культурные периоды, по мнению докладчика, позволяет поставить ряд интересных теоретических и методологических вопросов, которые он предложил рассмотреть на примере американского иллюстрированного перевода «Гавриилиады» в рождественском номере журнала «Плейбой» за 1974 год. Веницкий впервые ввел в исследовательский оборот смелые (во всех смыслах) иллюстрации к пушкинской поэме американско-японской художницы Кинуко Крафт, не только соединившей в своем пародийном пастеше византийскую иконопись с религиозной живописью Ренессанса и японским эротическим искусством, но и представившей женский взгляд на описываемые в пушкинской поэме события, выразившийся, в частности, в шарже на самого Пушкина, черты которого явно просматриваются в созданном ею образе Сатаны. В качестве общего вопроса докладчик предложил обсудить проблему апроприации и персонализации переводчиком творчества переводимого автора.

На пленарном заседании Пушкиналии с докладом на тему «Вновь», «снова» и «опять»: наречия повторного действия в поэтике Пушкина» выступил Игорь Пильщиков (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе). Его доклад был посвящен исторической и социологической лингвистике и вызвал живой отклик участников. Пильщиков обратился к истории употребления слов «вновь», «снова» и «опять» в пушкинскую эпоху и в творчестве Пушкина. Предметом «культурно-грамматического» подхода Пильщикова стало знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», а также его подтексты и переводы на немецкий язык. Во время дискуссии были затронуты вопросы о корреляции употребления этих наречий и литературных жанров.

Доклады и дискуссии были лишь частью Пушкиналии, включавшей также вечерние поэтические чтения, литературные игры, викторины и страстное соревнование между командами переводчиков, победителями которого стали... (не будем называть имена, чтобы не обижать других достойных участников). С чтением своих переводов выступили Алиса Гиллеспы и Джеймс МакГавран из Кеньон-колледжа (Гамбиер, штат Огайо). МакГавран также представил свой новый проект «Полифонический Пушкин», целью которого является представление полезной для критиков и исследователей литературы информации о поэте в доступном формате. Прощальный ужин конференции был посвящен Олегу Проскурину в знак признательности за прочитанный им в рамках программы Принстонского университета курс о творчестве поэта.

Увы, следующую, четвертую, Пушкиналию пришлось отложить из-за пандемии. Некоторые доклады, представленные на прошлых Пушкиналиях, выйдут в очередном выпуске «The Pushkin Review». Пушкиналия III убедительно показала, что поэт, ни разу не покидавший пределов Российской империи, все еще находится «в пути», преодолевая и соединяя времена, пространства и научные традиции.

Лора Мэтьюз